

Н. В. Богданова–Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет

Д. А. Стойка

Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД РФ по СПб и ЛО

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ НЕ ДОГМА, А ЖИВАЯ СИСТЕМА*

Под нормой, вслед за Л. А. Вербицкой, принято понимать «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени». Такое понимание предполагает, что норма статична, чем и обеспечивает литературному языку понятность для всех и во все времена. Исследователи, однако, давно заметили, что норма является константой только с большой долей условности. Кодифицированной норме, «норме-эталоноу», противостоит реальная «норма-узус», хорошо осознаваемая носителями языка, но пока почти нигде не зафиксированная. Хорошим исключением стали редуцированные формы (РФ) русских сверхчастотных слов, составившие словник специального словаря, изданного с благословения Л. А. Вербицкой. Главная позиция его составителей заключается в том, что РФ — это не просто ошибки речи вечно спешащих людей, а результат эволюционного развития языка. Многие из них можно уже квалифицировать как норму разговорной речи. Словарь содержит максимально полную информацию о каждой форме: от письменного облика исходной единицы до реальной транскрипции, основанной на слуховом и инструментальном анализе контекстов из корпуса русской повседневной речи. Думается, что у этого словаря есть конкретный потенциальный пользователь: преподаватели русского языка как иностранного (РКИ) и сами иностранные студенты. Они слышат эти формы в нашей речи, видят их в письменных текстах — в речи героев разных произведений — и не знают, как к ним относиться и даже зачастию — как их понять. Словарь предлагает компактный список таких форм (100 единиц), со множеством примеров, с упрощенной транскрипцией, с данными о частотности употребления, что делает его фактически готовым пособием по РКИ. В статье этот словарь представлен во всех подробностях. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: орфоэпия, орфоэпическая норма, вариативность нормы, устная речь, редуцированная форма слова, звуковой корпус.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92563238 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российских мегаполисов в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

St Petersburg State University

Daria A. Stoyka

Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation in St Petersburg and LO

ORTHOEPIC NORMS ARE NOT A DOGMA, BUT A LIVING SYSTEM

According to L. A. Verbitskaya, the norm is “a set of phenomena allowed by the language system, selected and fixed in the speech of native speakers and mandatory for all who speak the literary language at a certain period of time”. The norm is static, it makes the literary language understandable for everyone and at any time. Researchers, however, noticed that the norm is a constant only with a great deal of convention. The codified norm is opposed by the real “norm-usus”, which is well understood by native speakers, but hasn’t been recorded almost anywhere. A good exception are the reduced forms (RF) of Russian super-frequency words. According to the compilers, RF is not just speech errors of people in a hurry, but the result of the evolutionary development of the language. Many of them can already be qualified as the norm of colloquial speech. The dictionary contains the most complete information about each form: from the written appearance of the original unit to real transcription based on auditory and instrumental analysis of contexts from the corpus of Russian everyday speech. This dictionary has a specific potential user: teachers of Russian as a foreign language (RFL) and foreign students. They hear these forms in our speech, see them in written texts — in the speech of literary characters — and don’t know how to use them and even often — how to understand them. The dictionary offers a compact list of such forms (100 units), with examples, simplified transcription and frequency lists, which makes it virtually a ready-made manual for RFL. Refs 22.

Keywords: orthoepy; orthoepic norm; variability of the norm; spoken speech; reduced form of the word; speech corpus.

ВВЕДЕНИЕ

Вариативность, свойственная спонтанной речи, вынуждает исследователей задумываться о степени нормативности той или иной языковой единицы. Установление нормы является отнюдь не простой задачей. Характер языковой нормы двойственен: она статична, консервативна — и одновременно нестабильна, подвижна. Консерватизм нормы поддерживается ее кодификацией [Вербицкая 1976: 13] и обеспечивает взаимопонимание среди носителей данного языка — как во временном, так и в пространственном отношении. В основе любой кодификации лежит принцип адекватности современной норме, при этом давно замечено, что норма является константой только с большой долей условности, можно говорить лишь об «эластичной» ее стабильности [Шехтман 2011: 136]. Норма статична только в определенный период времени, она подвижна, гибка и подвержена изменениям, что является показателем жизни языка, его эволюции.

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА И ДВА ТИПА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Кодифицированной норме («норме–эталону») противостоит *реальная норма* («норма–узус») (см. об этом подробнее: [Германова 2001]).

Прескриптивная *норма–эталон* зафиксирована в словарях и грамматиках, она «задается извне и может иметь внелингвистические основания (логические, морально–этические, социальные)» [Германова 2001: 39]. Такая норма является «результатом выбора одним человеком или группой людей тех или иных средств языкового выражения, или, проще, вариантов, в качестве правильных, образцовых, и предписывания их к употреблению» [Вербицкая 1997: 106].

Норма–узус — реальная, дескриптивная — нигде не зафиксирована, но осознается как таковая носителями языка, «означает более высокую степень культуры», «предполагает осведомленность не только о *возможном* (здесь и далее в цитате курсив автора. — *Авт.*), о том, что *можно сказать* на данном языке, не нарушая его функционирования, но также и о том, что действительно *говорится и говорилось*, то есть о традиционной реализации» [Косериу 1963: 236]. Такая норма рассматривается как «результат действия ряда социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени» [Вербицкая 1997: 105]. Подобная норма свойственна любой языковой разновидности: от разговорной речи носителей литературного языка (разговорный язык) до просторечия, диалекта или арго, ср.:

Норма <...> должна быть признана неотъемлемым качеством любого языкового идиома, любой языковой системы вне зависимости от ее общественных функций, ибо в каждом языковом идиоме, в каждой системе, включая и диалект, есть традиционные, установившиеся способы реализации вариантности данной системы (норма. — *Авт.*) и нетрадиционные, отвергнутые коллективом говорящих (ненорма. — *Авт.*) [Ступин 1984: 174].

Индивидуальные изменения происходят в узусе, который гораздо более подвержен разного рода модификациям, нежели норма, ср.:

В условиях бурных языковых изменений последнего времени расхождения между нормой и узусом являются причиной многих коммуникативных неудач — в индивидуальном общении, в педагогической коммуникации и в коммуникации социальной (при речевом взаимодействии отдельной личности и социальных институтов) [Черняк 2010: 22].

Языковая нестабильность характеризуется наличием вариантов — закономерным явлением в естественном языке и одним из показателей его развития, ср.: «Вариантность — это объективное следствие языковой эволюции, непременный атрибут живого литературного языка» [Горбачевич 1978: 3]; «Вариантность — это не только порождение неустойчивости языковых норм (скорее,

наоборот, неустойчивость нормы — следствие варьирования), а и естественное состояние языка как конкретно-исторического явления» [Горбачевич 1978: 9]; «Существование вариантов, часто отвергаемых в общественных дискуссиях, — не болезнь языка, не его недостаток, а неперменное свойство, отражающее динамичность, подвижность, изменяемость языковых норм» [Черняк 2010: 25].

Изучение произносительной нормы представляет наибольшие трудности по сравнению с изучением лексических, морфологических, синтаксических и других норм: прежде всего, по причине того что эта норма особенно нестабильна, а также из-за сложности методики установления самой этой нормы⁸. Во-вторых, в связи с тем что язык имеет различные стилистические ресурсы, лексикограф должен определить, как следует использовать языковые средства в разных сферах и в разных речевых ситуациях. При этом преградой на пути создателя словаря стоят факторы речевого вкуса и речевой моды.

Рядовой носитель языка (обыватель) имеет дело только с нормой *кодифицированной*, то есть со словарями, к которым он обращается в случае затруднения (если вообще обращается), поскольку с *реальной* нормой можно ознакомиться только в специальной научной литературе, это удел (зона знания и научной деятельности) узких специалистов. Получается, что основной принцип кодификации — адекватность современной норме — постоянно нарушается, так как «словари, справочники и разного рода пособия, фиксирующие норму, отстают от реальной жизни и иногда пропагандируют вариант, уже уходящий из реального употребления: сейчас /s'ičás/, тысяча /ty' s'iči/, человек /č'ilavěk/» [Вербицкая 2003: 17]. Лексикографические традиции фиксации нормативных вариантов лишь в минимальной степени отражают языковую динамику. Кодификация должна обновляться по мере изменений, происходящих в языке, и при оценке средств языка и употребления этих средств говорящими. В практических целях, в различных аспектах изучения и преподавания русского языка, важны и нужны словари, фиксирующие реальную норму.

Эта реальная норма, то есть «норма-узус», как уже было отмечено, хорошо осознается носителями языка, но пока почти нигде не зафиксирована, даже в новом, пока еще не вышедшем в полном объеме, «Толковом словаре русской разговорной речи» [ТСРРР 2014–2019], ср. материалы из доклада Р.И. Розиной 2020 г.

⁸ Ср. мнение Л. В. Щербы на этот счет: «Жизнь людей не проста, и если мы хотим изучить жизнь, — а язык есть кусочек жизни людей, — то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью» [Щерба 1974б: 98-99]; и далее автор пишет об опасности схематизации в отношении к языку:

Всякая голая схематизация кроет в себе опасности для дальнейшего развития науки: люди приучаются смотреть на факты сквозь клеточки таблички, вместо того чтобы их попросту и по возможности беспристрастно описывать; все новое и хоть сколько-нибудь непредвиденное безвозвратно для них погибает. Между тем опыт показывает, что всякие таблицы и схемы расплзаются по всем швам, как только попробовать вставить в них факты живой действительности [Щерба 1974а: 246].

«Крохотки: о том, чего нет в “Толковом словаре русской разговорной речи”» [Розина 2020: 63–64]:

1. прономинальное значение слова *ИСТОРИЯ: Кинотеатр — это совсем другая история* (ТВ, Малахов, 17.01.2018);
2. значение предлога *ПРО* в конструкциях типа *Паллиативная медицина — это не про смерть помощь, это про жизнь помощь* (ТВ, «Правила жизни», 04.09.2018);
3. *ТАКОЙ* в роли маркера-ксенопоказателя: *Она мне говорит: «Оставайся после уроков». А я такой: «Не останусь»; Он мне такой: «Пивка хочешь?»* (Записи устной речи, 2019)⁹;
4. наречие *ПОХОДУ* вместо *ПОХОЖЕ*: *«Когда Вы были в последний раз?» — «Походу, в прошлом году»* (Диалог в поликлинике, 2018)¹⁰.

Думается, что все такие явления требуют и отдельного исследования, и фиксации в новых лексикографических изданиях, как это уже сделано с редуцированными формами сверхчастотных слов русской речи. Дальнейшее изложение основано на нескольких статьях и кандидатском исследовании Д. А. Стойки, одного из авторов данной статьи, и на словаре, построенном на его материалах: [Стойка 2012; Стойка 2015; Стойка 2017; Стойка 2019].

СЛОВАРЬ РЕДУЦИРОВАННЫХ ФОРМ СВЕРХЧАСТОТНЫХ СЛОВ

Редуцированные формы (РФ) русских сверхчастотных слов составили словник специального словаря [Стойка 2019]. Такие формы иногда даже более распространены, привычны и узнаваемы, чем «идеальные», «словарные»: *здрасте* (*здравствуйте*), *тыща* (*тысяча*), *щас* (*сейчас*), *токо* (*только*), *скоко* (*сколько*), *кода* (*когда*), *пожалста* (*пожалуйста*), *прально* (*правильно*), *сёдня* (*сегодня*), *чек* (*человек*), *бум* (*будем*), *моэт* (*может*), *тя* (*тебя*), *мрю* (*смотрю*), *грит* (*говорит*), *пийсят* (*пятьдесят*), *семьсят* (*семьдесят*) и мн. др. Такой вывод стал результатом анализа соотношения полных и редуцированных форм в устной речи носителей языка (по материалам корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» — ОРД, см. о нем: [Богданова-Бегларян и др. 2019]). Приведенные ниже количественные данные говорят о том, что некоторые подобные единицы бытуют в нашей речи преимущественно в своих РФ — таким образом происходит некоторое перераспределение акцентов речевой нормы: ранее нормативная, нейтральная форма становится утрированной, редуцированную же форму можно отнести к речевой норме, она становится нейтральной, и часто уже эта нейтральная форма порождает, в свою очередь, редуцированный вариант, один или несколько, ср.:

⁹ См. об этом также: [Шклярчук 2018; Богданова-Бегларян 2021; Прагматические маркеры... 2021].

¹⁰ См. об этом также: [Звуковой корпус... 2015: 104–108].

сейчас 10,4% — щас 88,1% — ща 1,5%;
 говорю 19% — горю (зрю) 61% — гу 20%;
 столько 34,8% — стоко 65,1%;
 только 35,8% — тока 52,2% — ток 12% (проценты указаны от общего количества реализаций в корпусе той или иной единицы).

РФ не только естественны для нашей устной речи, они действительно являются фактом эволюции языка, постепенно проходя путь, образно выражаясь, «из речи в язык». Когда-то такой путь прошли и стали полноценными лексическими единицами формы *мол* (из *молвил*), *вишь* и *ишь* (из *видишь*), *спасибо* (из *спаси Бог*), *пожалуйста* (из *пожалуйте, сударь*) и многие другие. Совсем недавно такой путь прошла и попала в словари частица *те* (из *тебе*): *Вот те на! Вот те раз! Вот те крест! Вот те и пожалуйста!* [Ожегов, Шведова 2006: 791]; *Черт-те что!* [Ушаков, Крючков 2007: 248]. Свидетельством происходящей буквально на наших глазах лексикализации современных РФ можно назвать целый ряд процессов, главным из которых является их письменная фиксация, начавшаяся еще более 200 лет назад, ср. самые ранние примеры фиксации некоторых РФ:

- 1790 г. — *неча* (П. А. Плавильщиков),
- 1833 г. — *матри* (А. Ф. Вельтман);
- 1887 г. — *всамделе* (Н. С. Лесков).

Эти примеры — из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Кроме того, в последнее время сокращенные варианты высокочастотных слов все чаще можно встретить в современной письменной речи: в художественных текстах, в интернет-общении, просто на сайтах интернета, на рекламных баннерах и листовках, причем спектр вариативности их орфографического представления весьма широк.

Кроме НКРЯ, источниками материала для словаря РФ послужили: контексты из корпуса ОРД, печатные тексты различных жанров, публикации расшифровок устных спонтанных текстов, интернет, повседневная речевая практика. Стоит отметить, что словник словаря открыт для расширения, поскольку большинство источников материала постоянно обновляются и пополняются, а повседневная речевая практика дает бесконечный простор для выявления новых вариантов употребления РФ.

Критерии отбора словоформ для словаря РФ были следующими:

- 1) наличие словоформы в максимальном количестве источников;
- 2) сверхчастотность единицы, то есть ее вхождение в топ самых употребительных лексем (порог — 350 единиц), по данным частотных словарей русского языка, а также списков частотных единиц НКРЯ и ОРД;
- 3) наличие не только звукового, но и письменного представления единицы, то есть ее фиксации и в НКРЯ, и в ОРД.

Таким образом, всего в словнике словаря РФ оказалось 100 сверхчастотных единиц самых разных грамматических классов: существительные (*человек, жизнь*), глаголы (*говорить, слушать*), числительные (*тысяча, пятьдесят*), местоимения (*меня, сколько, что-нибудь*), наречия и слова категории состояния (*правильно, практически, тогда, сейчас*), служебные части речи (*когда, то есть*), междометия (*здравствуйте, пожалуйста*), вводные слова (*кажется, может быть, наверное, в общем*) и даже целые словосочетания (*на самом деле, ничего себе, честное слово*).

Структура словарной статьи словаря РФ включает 9 лексикографических зон:

- исходная словарная форма (лексема);
- частеречная характеристика;
- устойчивое словосочетание (если есть);
- словоформы, подвергающиеся редукции;
- варианты написания;
- варианты произношения;
- примеры;
- частотность по НКРЯ;
- примечания (особенности функционирования РФ).
- Рассмотрим их подробнее.

Исходная единица

Словник словаря РФ включает 100 единиц, подвергающихся в речевом потоке разного рода редукции и имеющих по преимуществу письменное представление. Исходные словарные формы располагаются в словаре по алфавиту и указываются в любом случае, даже если редукции в речи подвергается лишь та или иная словоформа данного слова, ср.: *ЖИЗНЬ* — *жизь, жись, жись* (редуцируется исходная форма); но *БЫТЬ* — *бует, буеть, бует, буете* (редуцируются только словоформы). Словоформы, подвергающиеся редукции, вынесены в отдельную словарную зону.

Частеречная характеристика

Указывается во всех случаях, включая возможное наличие грамматической омонимии:

- *Плюс этот их характер, ваще все им портит* [НКРЯ] — наречие;
- *И ваще, качество дрянь, через час сворачивается* [НКРЯ] — вводное слово.

Если лексема может представлять разные части речи (например, *естесно* [*естественно*] — наречие и вводное слово), но в найденных контекстах зафиксирована в какой-то одной функции, то в словаре представлена только эта ча-

стеречная принадлежность. Например, *естесно* зафиксировано в НКРЯ только в качестве вводного слова:

- *На сегодняшний день в нете можно найти запись этапа GP Австралии сделанный с RTL естесно на немецком языке* [НКРЯ];
- *На новом, естесно, будет точно такое же, так что не бери в голову:* [НКРЯ].

Устойчивое словосочетание

В эту словарную зону входят вводные конструкции и другие устойчивые словосочетания: *Как говорится — как грится; Собственно говоря — собсно гря; Может быть — можбыть; В самом деле — всамделе; Так сказать — так скать; Честное слово — чесслово; Ничего себе — ничёсе.*

Варианты написания

Здесь приводятся все орфографические варианты РФ, выявленные главным образом в НКРЯ:

пожалуйста — 6 вариантов: *пожалуста, пожалста, пажалуста, пажалста, пжалуста, пжалста;*

сегодня — 7 вариантов: *седня, сёдня, седни, сёдни, сёння, сеня, сёня;*

сейчас — 7 вариантов: *сечас, сичас, счас, счаз, щас, щаз, ща;*

спасибо — 4 варианта: *пасибо, спасиб, пасиба, пасиб;*

шестьдесят — 4 варианта: *шеисят, шейсят, шиисят, шисят.*

Варианты произношения

Материалы ОРД дают возможность не только постоянно расширять спектр произносительных вариантов РФ, но также прослушивать каждую реализацию РФ в реальном контексте. Для этого было разработано специальное электронное приложение, позволяющее прослушать редуцированную форму как изолированно, так и в контексте. Слуховой и инструментальный анализ вариантов произношения РФ показал, что некоторые слова, редуцируясь, искажаются до неузнаваемости. Например, форма *навверное* превращается в *нэн*, *шестьдесят* — в *шся*, *конечно* — в *кэш*, *короче* — в *коч* и т. д. Каждая единица словаря имеет свою степень редукции: некоторые формы остаются понятными и легко узнаваемыми (*достаточно* — *дастачна*), для идентификации других (и таких большинство) требуется контекст (*потому что* — *туш*). Отметим, что единицы, которые имеют максимально редуцированные варианты, обладают и высокой степенью вариативности. К таковым относятся, например, междометие *здравствуйте* (12 произносительных вариантов, максимально редуцированный — *расть*), числительное *шестьдесят* (12 произносительных вариантов, максимально редуцированный — *шся*), а наиболее вариативным в нашей речи оказался союз *потому что* — 29 произносительных вариантов. Интересно соотношение произноси-

тельных и письменных вариантов редуцированных форм: на письме чаще отражается тот вариант РФ, который является самым частотным в речи.

Примеры

Иллюстрациями употребления той или иной редуцированной формы послужили в основном контексты из основного подкорпуса НКРЯ.

Частотность по НКРЯ

Указывается, во-первых, когда РФ в ее письменной форме зафиксирована в НКРЯ, во-вторых, когда есть возможность подсчитать количество ее употреблений (то есть при снятой омонимии). Следует заметить, что в корпусе, как правило, не снята ни лексическая, ни грамматическая омонимия, то есть, например, слово *тока* в контекстах может быть не только редуцированной формой частицы *только*, но и формой Р.п., ед. ч. существительного *ток*. Таким образом, в работе над словарем РФ снятие грамматической и лексической омонимии производилось вручную.

Примечания

Это наиболее интересная лексикографическая зона, в которой отмечаются различные особенности РФ, связанные с тем, что многие такие формы находятся в процессе освоения языком. На пути к получению лексикографической (или просто письменной) фиксации та или иная речевая единица должна пройти несколько этапов изменения своих свойств: фонетических, семантических, прагматических и др. Частота употребления единицы приводит прежде всего к изменению ее звукового и письменного облика, затем к десемантизации (ослаблению связи формы и содержания), ресемантизации (приобретению единицей нового значения) и — на завершающем этапе — к ее прагматикализации (изменению речевых функций единицы). Процессы десемантизации единицы, или «вымывания» семантики, а также ее ресемантизации расширяют круг контекстов, в которых она может функционировать, в результате чего может измениться и частеречная принадлежность слова. Приобретая новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость, отдельные единицы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и иногда становятся сугубо прагматическими. На современном этапе развития языка некоторые РФ сверхчастотных слов, получив новый орфоэпический и орфографический облик, приобретают также новый семантико-стилистический и/или прагматический статус, например *щас* (*сейчас*), *жысь* (*жизнь*), *здэрастьте* (*здравствуйте*), *ваще* (*вообще*).

Так, РФ *щас* в некоторых контекстах выступает в функции междометия и приобретает новое значение, которое можно определить как ‘несогласие, отказ, мнимое ироническое согласие’:

- — *Иди сюда! — Ага, щас!* — громко пообещал Боря, в секунду перелетев на другую сторону улицы [НКРЯ];
- — *В ЗАГС? Щас!* — любил он повторять [НКРЯ].

Подобным ресемантизированным употреблением функции РФ *щас* не исчерпываются: утрачивая лексическое значение, РФ *щас* нередко употребляется в нашей повседневной речи и в функции заполнителя паузы хезитации, о чем свидетельствуют контексты ОРД, обычно с редупликацией этой формы:

- *так / щас щас щас я // ага / вот они* (ОРД);
- *так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // щас щас щас // ну подожди / я чем *Н снова / я () да я попытался написать во всяком случае это* (ОРД)¹¹;
- *что такое? сейчас // *П щас щас щас щас щас / да да да да да да да* (ОРД).

Новые оттенки значения и новую стилистическую окраску приобретает и единица *жись* (*жысь*), обозначая более тяжелую, сложную, безрадостную — в целом плохую жизнь:

- *Сам Жора написал где-то к тридцати годам десять рассказов. И с тех пор переиздал их десять тысяч раз, по-разному komponуя и подчас переименовывая (так, «Жизнь» превратилась в «Жысь»)* [НКРЯ];

РФ *здрасьте* в некоторых контекстах выражает возмущение, удивление, недовольство или несогласие с собеседником:

- — *Вы не хотите ин... оформить инвалидность? — Так а(:) / кто / а кто мне её (...) да... даст? — Здрасьте! Тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек* (ОРД);
- *а ты же старше Сашки % / да ?*П на один год // *П ну здраст / на десять лет!* (ОРД)¹²;
- *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то ?*П чистый лист / драсьте пожалста!* (ОРД);
- — *Вот как нам нужно сделать. — Здрасьте пожалста! У ней / кажется / куча ребятишек / а я на ней буду жениться!* [НКРЯ];

¹¹ Знак () в расшифровках ОРД означает заминку говорящего, *Н — неразборчивый фрагмент, *П в примере ниже — хезитационную паузу. О других знаках и правилах орфографического представления материала ОРД (условиях дискурсивной транскрипции) см.: [Русский язык... 2016: 242–243].

¹² Знак (%) в расшифровках ОРД означает анонимизацию имени или другой личной информации, ставится после слова без пробела (см.: [Русский язык... 2016: 242]).

РФ *ваще* порой выступает в качестве междометия и выражает возмущение, удивление, недовольство, упрек:

- *мне такая Оля% говорит / мы уезжаем / десять дней тебе нечего будет делать / забивай всё это в комп в экселе // а там реально / вот фоток сто / понимаешь? такая **ваще!** ну и качество! (ОРД);*
- *Косяком уроды идут, то в туалете на два часа засядут, то скандал устроят! **Ваще** прям! [НКРЯ];*

— а в других случаях, напротив, — восхищение, одобрение, восторг:

- — *Да ничего, вот кроликов разводим. — Ну **ваще!** Надо братве рассказать! [НКРЯ];*
- *Во бьет! Ну просто **ваще-е-е!** [НКРЯ];*
- *Она вышла из машины. — Ну вы **ваще!** Я и не думал, что вы такая! [НКРЯ].*

Помимо семантико-стилистических и прагматических особенностей, в данной лексикографической зоне отмечаются и другие приметы лексикализации РФ: фонетизация, орфографизация, графическое сокращение. Редуцированные формы появляются в текстах нерегулярно, многие из них находятся в процессе освоения языком, в процессе становления своего нового облика, что влечет за собой вариативность их представления как в письменной, так и в устной форме. В этой вариативности обнаруживаются любопытные закономерности. Так, например, в ряде случаев примеры отражают различные этапы процесса становления письменного облика того или иного слова, который иногда растягивается на целое столетие и даже более того, ср.:

- 1) *Все это от него, от мужа-варвара, да от злодейки Опарихи **жизь** такая [Ф. М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)];*
- 2) *Она всю **жись** и так одна прожила [В. Шукшин. В профиль и анфас (1970)];*
- 3) *так, «Жизнь» превратилась в «**Жысь**» [В. Топоров. Большая жратва Жоры Жирняго (2008)].*

В примере (1) (XIX в.) письменная форма фиксирует только выпадение конечного согласного (усечение, редукция), в примере (2) (XX в.) добавляется фиксация глухого согласного в финали, в примере (3) (XXI в.) письменная форма отражает еще и качество гласного после твердого Ж (в обоих последних случаях наблюдается фонетизация письменного представления усеченной формы).

В примерах XXI в. встречаются различные употребления РФ слова *собственно*, в том числе и фонетизированные варианты:

- *Я давилась слезами, но не могла протестовать. Я вот **собсно** про это. В общем и целом [НКРЯ];*
- *Объясняю популярно слово «анархизм» изначально застолбили за собой сторонники общинного коммунизма. **Собсна** и двигались в этом направлении [НКРЯ];*

- *Сопсна* не нуждалась пока в услугах [НКРЯ].

Редуцированные формы слов *сколько* и *только* также проходят этапы становления своего письменного облика, в которых, как и в предыдущих случаях, увеличивается степень фонетизированности вариантов: от *скоко*, *токо* — к *скока*, *тока*. Статистика употребления данных форм по Национальному корпусу русского языка такова:

XX в.: *скоко* — 85% (*скока* — 15%), *токо* — 87,5% (*тока* — 12,5%),
XXI в.: *скока* — 83% (*скоко* — 17%), *тока* — 84% (*токо* — 16%).

Этапы отражения произношения на письме прослеживаются у многих РФ, ср.: *бует* → *буит*, *буеишь* → *буишь*, *воице* → *ваице*, *воицем* → *воцим*, *кода* → *када*, *моно* → *мона*, *незя* → *низя*, *нечо* → *неча*, *нуно* → *нуна*, *пожалуста* → *пажалуста*, *прально* → *пральна*, *разе* → *рази*, *сечас* → *сичас*, *сопсно* → *сопсна*, *собсна* → *сопсна*, *сморю* → *смарю*, *стоко* → *стока*, *тода* → *тада*, *тоесь* → *тоись*, *шеисят* → *шиисят*.

Проиллюстрируем некоторые из них:

- — *Ладно*. — **Нечо** губы гнуть, слушай, когда говорят. — Я и то слушаю [НКРЯ];
- — Ты, девка, иди-ка в свой номер, иди, — посоветовала она. — **Неча** тебе тут околачиваться. Дверь запирается? [НКРЯ];
- **Воицем** название темы уже не актуально. Спасибо Айсберену за то что мы взяли кубок Шпенглера! [НКРЯ];
- **Воцим**, ничего сделать не получилось [НКРЯ];
- **Сморю**, здесь пол тоже выстлан досками — это для меня и лучше [НКРЯ];
- — Да. — То-то я **смарю!** — удивился Фома [НКРЯ].

Налицо усиление фонетизации письменного представления РФ в русской речи. Авторы от века к веку (а в последнее время — от десятилетия к десятилетию) становятся все смелее, отражая в письменной форме особенности нашего произношения.

Об освоении редуцированных форм лексической системой языка свидетельствуют и выявленные процессы *орфографизации* этих форм, или *графико-орфографическое выравнивание*:

- 1) использование Ъ как знака мягкости: *здрась*, *здрась*:
 - *Прервавшись на мгновение, он сказал Кондрашину: «Здрась, Владпетрович, спасибо, Владпетрович», и тот кивнул ему в ответ [НКРЯ];*
- 2) использование Ъ как показателя грамматической формы: *слушь* — как *отрежь*, *услышь*:
 - *И в ответ восторженному: «Федька-то а? Слушь, это у тебя откуда же?» — хитро прижмуривает глаз [НКРЯ];*

- 3) мена «смягчающих» и «несмягчающих» гласных букв: *поал* (вместо *по{н}ял*); *моэт быть* (вместо *мо{ж}ет быть*); *наэрно* (вместо *на{в}ерно*); *сёдня* (вместо *с{ег}одня*):
 - *А кто помер либо помрет не сёдни-завтра — туда им и дорога* [НКРЯ];
- 4) слитное написание исходной (подвергшейся редукации) формы или словосочетания: *чесслово, всамделе, вощем, тоись, кабудто*:
 - *Сейчас меня это уже не волнует! Чесслово — прошло! Просто я его люблю: -)* [НКРЯ];
 - *Обоих знаю, один называется Ефросин Иванов, а другой Агафон Петров. — И что же — они всамделе купцы? — Купцы* [НКРЯ];
 - *Да где же мои глаза, глаз тоись, где они, зараза, глаз тот был, когда я высматривал во многочисленном коллективе себе невесту?!* [НКРЯ].

Этап графического сокращения прошли в ходе своего становления редуцированные формы наречия *очень* и словосочетания *честное слово*:

- *Сюжет получился не оч. плохой, люди говорят, что нравится* [НКРЯ];
- *Но я оч рада, что вы весело провели время* [НКРЯ].

В более ранних контекстах редуцированная форма передавалась как обычное графическое сокращение (так же, как г. — *год* или *город*, в. — *век*, с. — *страница*, и т. п.). И лишь существенно позже исчезла точка, и форма стала восприниматься как настоящая РФ.

Редуцированные варианты словосочетания *честное слово* разнообразны:

- *Чес-слово, у меня там аппаратура, не веришь?* [НКРЯ];
- — *Или я, чесслово, разнесу ворота вдребезги, и из твоего жалования отремонтирую их!* [НКРЯ];
- *Если бы Вы знали, какое количество женщин с гипотиреозом рожают здоровых детей, Вы бы сразу выбросили из головы дурные мысли. :-)* *Чес.слово!* *Вам же эндокринолог сказал, что все будет хорошо, ну доверьтесь же специалисту...* [НКРЯ];
- *По школьной программе хотя бы. Книга интересная и увлекательная, чесслово* [НКРЯ].

Примеры самого последнего времени отражают уже слитное написание данного словосочетания (как самостоятельного слова). Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что РФ русской речи начинают осознаваться как самостоятельные лексические единицы, чей внешний вид подчиняется устоявшимся правилам написания — графическим и орфографическим.

Образцы словарных статей

В заключение приведем два образца словарных статей из словаря редуцированных форм — на местоимение *весь* (точнее — устойчивое сочетание *всё равно*) и вводное слово *вообще* [Стойка 2018: 10, 12].

ВЕСЬ

Часть речи: **местоимение**

Устойчивое словосочетание или форма слова

всё равно

Варианты написания

всерно

всёрно

Примеры	Частотность по НКРЯ	Варианты произношения	
		Орфогр. расшифровки	ЗКРЯ
<i>Я на 16 живу и они — эти мерзденские насекомые дотудава дотудава всерно всерно долетают!</i> [Признание в... Ненавижу блин! (форум) (2006–2007)]	2	сиравно	всирано, всёрно, сиравно, всёрно, всёрна, сёрано, сирано, всиано, всёрна, всёрно, всино, всён
<i>Да, прикольный дядька, а мы всёрно лучше</i> [Письмо девушки (2004)]	1		

Примечание

Процесс **«орфографизации»**: слитное написание исходной формы: **всёрно, всерно**

ВООБЩЕ

Часть речи: **вводное слово**

Варианты написания

воще

ваще

Примеры	Частотность по НКРЯ
<i>Клиенты сказали: «Ну воще, гениальный сценарий. Даем 20 штук баксов»</i> [А. Пугачев. Мое отношение к персонажу РМ (2000) // «Рекламный мир», 2000.03.30]	20
<i>«И ваще, качество дрянь, через час сворачивается»</i> [С. Шац. Доброе сердце // «Трамвай», 1991]	47

Примечания

Процесс **фонетизации** редуцированной формы: *воще* → *ваще*

Процесс **ресемантизации**: в некоторых контекстах редуцированная форма выступает в качестве междометия, выражающего возмущение, удивление, недовольство, упрек:

- *Ну, ты **ваще**, Марик!* — критически оглядел его Колдин. *Что, ни одного знака найти не смог?* [Н. Рубан. Тельняшка для киборга (2003)].

В других контекстах эта форма выражает восхищение, одобрение:

- — *Она вышла из машины. — Ну вы **ваще**! Я и не думал, что вы такая!* [М. Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение еще раз отметим, что процесс закрепления редуцированных форм в ментальном лексиконе носителей языка и, соответственно, на письме, еще не закончен, о чем говорит спорадичность, нерегулярность их появления в разговорной речи, а также их вариативность и разнообразие функций. Все это свидетельствует о том, что наш язык находится в динамике, эволюционирует, живет, но лексикографическая кодификация произносительной нормы сильно отстает от языковых изменений: лишь некоторые редуцированные варианты слов отмечены в словарях орфоэпического типа (и то далеко не во всех). Наличие вариантов — закономерное явление в естественном языке и показатель его развития. Поэтому представляется полезным на определенном этапе овладения русским языком знакомить иноязычных учащихся с редуцированными формами частотных слов, чтобы они не мешали восприятию русской речи в устной и письменной формах и давали некоторое представление о границах допустимой речевой вариативности. При любом лингвистическом анализе русских текстов, во многих прикладных аспектах языкознания, в области лингводидактики, речевых технологий (синтеза и распознавания речи), телекоммуникации, судебной лингвистической экспертизы и, в частности, в практике преподавания РКИ полезно учитывать процесс перехода редуцированных форм «из речи в язык», равно как и само их существование в нашей речи.

Источники иллюстративного материала

ОРД — Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» // <https://ord.spbu.ru> (дата обращения: 04.03.2022).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.03.2022).

Словари и справочники

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

ТСРРР — Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Изд. Дом ЯСК. Вып. 1 (А — И), 2014, 776 с. Вып. 2 (К — О), 2017, 864 с. Вып. 3 (П — Р), 2019, 824 с.

Ушаков Д. Н., Крючков С. Е. Орфографический словарь. М.: Дрофа, 2007.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. О ксенопоказателях в русском языке/речи: лексикографическая традиция и современные процессы // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (46). Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. Материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике, 2–4 июня 2021 года / отв. ред. выпуска А. В. Иванов. М.; Тамбов; Н. Новгород: Флинта, 2021. С. 440–444.

- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.
- Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия (к проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л.: ЛГУ, 1976.
- Вербицкая Л. А. Вариантность нормы и типы произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Межвузовский сборник. Вып. 3 / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 105–114.
- Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку, 3-е изд. М.: Высшая школа, 2003.
- Германова Н. Н. О двойственной природе понятия языковой нормы // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура». М.: МГЛУ, 2001. С. 38–39.
- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л.: Наука, 1978.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3 / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1963. С. 143–343.
- Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Розина Р. И. Крохотки: о том, чего нет в «Толковом словаре русской разговорной речи» // Повседневная речь как объект лексикографии (XIII Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 63–64.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Лайка, 2016.
- Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: история и перспективы лексикографического описания. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.
- Стойка Д. А. От десемантизации к прагматикализации (о смысловых и функциональных трансформациях редуцированных форм частотных слов в устной повседневной речи) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (31), 2015. С. 34–38.
- Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
- Стойка Д. А. Словарь редуцированных форм русской речи / науч. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019.
- Ступин Л. П. К вопросу о сущности нормы // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Межвузовский сб. научных трудов. Горький: Горьк. гос. пед. ин-т им. М. Горького, 1984. С. 173–178.
- Черняк В. Д. Нормативные словари в современном социокультурном контексте // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всерос-

сийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, 1–13 ноября 2009 года / отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2010. С. 22–27.

Шехтман Э.Н. О статусе нормы в системе лингвистических оппозиций // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавательской деятельности Н.А.Шехтмана (сб. статей) / отв. ред. И.А.Горбачева. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 135–139.

Шклярчук Е.Я. Единица ТАКОЙ в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона 2018 / ред. Ж.Кастельви, А.Зайнулдинов, И.Гарсия, М.Руис-Соррилья. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 1598–1605.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974а. С. 77–100.

Щерба Л.В. К вопросу о транскрипции // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974б. С. 245–248.

References

Bogdanova-Beglarian N. V. On Xeno-Markers in Russian Language/Speech: Lexicographic Tradition and Modern Processes. *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Iss. 3 (46). Iazyk i myshlenie v epokhu global'nykh peremen*. Moscow; Tambov; N. Novgorod, Flinta Publ., 2021, pp. 440–444. (In Russian)

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Sherstinova T. Yu. Corpus of the Russian language of everyday communication “One speech day”: current state and prospects. *Trudy In-ta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Iss. 21. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: issledovaniia i razrabotki*. Moscow, 2019, pp. 101–110. (In Russian)

Verbitskaya L. A. *Russian Orthoepy (to the Problem of Experimental Phonetic Study of the Characteristics of the Modern Pronunciation Norm)*. Leningrad, 1976. (In Russian)

Verbitskaya L. A. Variation of the norm and types of pronunciation. *Eksperimental'no-foneticheskii analiz rechi: problemy i metody. Mezhvuzovskii sbornik. Iss. 3*. St Petersburg: St Petersburg University Press, 1997, pp. 105–114. (In Russian)

Verbitskaya L. A. *Let's Get It Right: a Textbook on the Russian Language*, 3 ed. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003. (In Russian)

Germanova N. N. On the dual nature of the concept of linguistic norm. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Iazyk i kul'tura”*. Moscow, MGLU Press, 2001, pp. 38–39. (In Russian)

Gorbachevich K. S. *Variation of the Word and Language Norm (Based on the Material of the Modern Russian)*. Leningrad, Nauka Publ., 1978. (In Russian)

Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of the Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Material for New Lexicographic Projects. St Petersburg, Philological Faculty of St Petersburg State University Publ., 2015. (In Russian)

Koseriu E. Synchrony, Diachrony and History (The problem of language change). *Novoe v lingvistike. Iss. 3*. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1963, pp. 143–343. (In Russian)

Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-Monograph. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021. (In Russian)

- Rozina R. I. Crumbs: about what is not in the “Explanatory Dictionary of Russian colloquial speech”. *Povsednevnaia rech' kak ob'ekt leksikografii (13th Shmelevskie chteniia)*. *Tezisy докладov mezhdunarodnoi konferentsii (23–25 fevralia 2020 g.)*. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language Press, 2020, pp. 63–64. (In Russian)
- Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups*. Collective Monograph. N. V. Bogdanova-Beglaryan (ed.). St Petersburg: Laika Publ., 2016. (In Russian)
- Stoyka D. A. *Reduced Forms of Russian Speech: History and Perspectives of Lexicographical Description*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2012. (In Russian)
- Stoyka D. A. From Desemantisation — to Pragmaticalisation (about Semantic and Functional Transformations of Reduced Forms of Frequency Words in Everyday Communication). *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. Iss. 3 (31), 2015, pp. 34–38. (In Russian)
- Stoyka D. A. *Reduced Forms of Russian Speech: Linguistic and Extralinguistic Aspects*: PhD thesis. St Petersburg, 2017. (In Russian)
- Stoyka D. A. *Dictionary of Reduced Forms of Russian Speech*. St Petersburg, RGPU Press, 2019. (In Russian)
- Stupin L. P. On the Question of the Essence of the Norm. *Normy realizatsii. Var'irovanie iazykovykh sredstv*. Gorky, 1984, pp. 173–178. (In Russian)
- Chernyak V. D. Normative dictionaries in the modern socio-cultural context. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Tekst slovaria i kontekst leksikografii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. St Petersburg, SAGA Publ., 2010, pp. 22–27. (In Russian)
- Shekhtman E. N. On the status of the norm in the system of linguistic oppositions. *Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty issledovaniia funktsionirovaniia iazyka. Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaya konferentsiia*. Orenburg, OGPU Press, 2011, pp. 135–139. (In Russian)
- Shklyaruk Ye. Ya. The unit TAKOI in Russian spontaneous speech: on the way from meaning to function. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barselona 2018*. Barcelona, Trialba Ediciones Publ., 2018, pp. 1598–1605. (In Russian)
- Shcherba L. V. On the parts of speech in Russian. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'*. Leningrad, Nauka Publ., 1974a, pp. 77–100. (In Russian)
- Shcherba L. V. On the Question of Transcription. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'*. Leningrad, Nauka Publ., 1974b, pp. 245–248. (In Russian)

Сведения об авторах

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
 Доктор филологических наук, профессор
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Natalia V. Bogdanova-Beglarian,
 Dr. Sci. in Philology, Professor
 St Petersburg State University
 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
 E-mail: n.bogdanova@spbu.ru
 SPIN-код: 67740937
 ORCID: 0000-0002-7652-0358
 ResearcherID: M-9042-2013
 Scopus Author ID: 56292096800

Стойка Дарья Андреевна

Кандидат филологических наук

Экспертно-криминалистический центр Главного управления МВД России

по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,

Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52.

Daria A. Stoyka

PhD in Philology

Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs

of the Russian Federation of St Petersburg and Leningrad region

50/52 Suvorovsky pr., St Petersburg, 191015, Russian Federation

E-mail: ruslangdaria@yandex.ru

Researcher ID: ABA-7623-2020

SPIN-код: 1557-1950

Author ID (Russian Citation Index): 875909

ORCID: 0000-0002-5254-0135.